

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ

Елена ДЕМЬЯНОВА,

кандидат юридических наук,

профессор кафедры гражданского права и процесса

Национальной академии Государственной пограничной службы Украины имени Богдана Хмельницкого

Summary

Article is devoted to research of the contents of the doctrine of the rule of law and prospects of its realization in civil legal proceedings of Ukraine. The attention to functional factors of the contents of the doctrine of the rule of law in aspect of their value for formation of its essence is paid. The attention to clarification of value of availability of justice and real execution of the judgment for permission of problems available in civil legal proceedings is paid.

Key words: rule of law, civil legal proceedings, judicial authority, availability of justice, real judgment executions.

Аннотация

В статье проводится исследование содержания доктрины верховенства права и перспектив ее реализации в гражданском судопроизводстве Украины. Обращается внимание на функциональные факторы содержания доктрины верховенства права в аспекте их значения для формирования ее сущности. Уделяется внимание выяснению значения доступности правосудия и реального исполнения судебного решения для разрешения имеющихся в гражданском судопроизводстве проблем.

Ключевые слова: верховенство права, гражданское судопроизводство, судебная власть, доступность правосудия, реальное исполнение судебного решения.

Постановка проблемы. Проблема верховенства права является одной из наиболее актуальных в правовой жизни Украины и всего мирового сообщества. Она проникла в законодательство, науку, практику правовой жизни, но скорее как красивые слова из сферы должного, нежели как разработанная правовая категория. Обращение к верховенству права стало данью современности, а отрицание – дурным тоном в правовой науке. К сожалению, при значительном позитиве, увлечение верховенством права имеет побочные эффекты в виде снижения уровня критического восприятия и конструктивной разработки. Реалии в Украине таковы, что требуют, прежде всего, действенных практических мер оздоровления правовой системы, которые должны быть целью и критерием доктринальных поисков.

Актуальность темы. По поводу того, что же, собственно, понимается под словами «верховенство права», спорят ученые и практики всего мира. Содержательные аспекты толкования верховенства права стали предметом внимания международных организаций, в частности, по этому поводу приняты Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи от 24 сентября 2012 г., доклад Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) «О верховенстве права» 25–26 марта 2011 г. Традиционно огромную работу по установ-

лению содержания основных правовых ценностей проводит Европейский суд по правам человека (далее – Суд, Европейский суд). Среди отечественных институтов значительно продвинулся Конституционный Суд Украины, сформировав собственное понимание верховенства права в решении по делу по конституционному представлению Верховного Суда Украины относительно соответствия Конституции Украины (конституционности) положениям ст. 69 Уголовного кодекса Украины (дело о назначении судом более мягкого наказания) от 2 ноября 2004 г. № 15-рп/2004 и указывая отдельные признаки в ряде других решений.

Верховенство права и его содержание является предметом значительного количества научных работ. В частности, следует назвать труды таких авторов, как С.П. Головатый, Н.И. Козюбра, Н.Н. Онищенко, С.П. Погребняк, П.М. Рабинович, Г.П. Тимченко, Ю.С. Шемшученко, и многих других. Однако, несмотря на это, точка в исследованиях не поставлена. Представляется, что выяснение содержания верховенства права требует обращения к особенностям реализации названного принципа в отдельных предметных областях правового воздействия, что позволит сформулировать не только теоретические обобщения, но и дать практические полезные рекомендации.

В частности, в этой статье поставлена **цель** – исследование верховенства

права в гражданском судопроизводстве в свете функциональных аспектов реализации его содержания. В качестве методологической основы рассмотрения проблемы используются правила логики, законы и категории диалектики, ряд общенаучных и частных методов (сравнительно-правовой, формально-логический и т. д.).

Изложение основного материала исследования. Независимо от квалификации верховенства права (принцип, идея, теория, доктрина, характеристика и т. д.), существует необходимость установления определенных содержательных качеств, позволяющих идентифицировать явление как таковое. Формирование целостной концепции верховенства права ориентирует на выявление присущих ему черт, позволяющих выяснить соотношение со смежными доктринальными теориями, первой среди которых является доктрина правового государства. Как отмечает Р. Дворкин, в основу верховенства права заложен парадокс. Этот идеал требует определенности и осуждает неопределенность в праве. В то же время он сам в значительной степени является неопределенным и неоднозначным [1, с. 15].

Нет сомнения в том, что категория верховенства права со времени своего возникновения развилась и оформилась, что существенно расширило ее первичное содержание. Но, вместе с тем, развитие и расширение не могут

превратить ее в качественно другое явление, учитывая сохранение тех существенных сущностных характеристик понятия, которые воплощают его самобытность, предотвращая обезличивание. Особенно вопрос сущностной идентичности верховенства права актуален для государств, которые проходят стадию становления демократического строя.

Возможно, одна из сложностей установления содержательного наполнения категории «верховенство права» связана со слишком высоким уровнем его абстракции. Представляется, что сведение плоскости исследования к более конкретным явлениям позволит обнаружить те моменты, которые составляют суть верховенства права как жизненного явления. Конечно, изолированное достижение верховенства права в условиях определенной части правовой системы вряд ли является возможным. Вместе с тем, общее господство права является результатом интегрированной суммы соответствующих характеристик отдельных фрагментов правовой реальности, поэтому путь исследования от конкретного к общему представляется весьма перспективным. При этом следует учесть, что функционирование судебной власти посредством конкретизации правовых предписаний относительно отдельных конфликтов и субъектов является фактором повседневного, постоянного вовлечения отдельной личности в государственно-правовую жизнь. Судебная власть воплощает для индивида и право, и справедливость, и возможность влиять на действия других субъектов.

С самого начала идея верховенства права обладала мощным потенциалом отображения не только реального состояния, но и направления усовершенствования правовой системы. Свое начало доктрина верховенства права берет в характеристике конституционализма, природы власти, взаимодействия, в системе «государство–человек». Однако в ходе развития и формирования концепция верховенства права испытало существенную трансформацию. То, что на момент концептуального оформления рассматриваемой идеи было проблемой и достижением, на сегодняшний день теряет первичную актуальность, оставаясь правовым наследием и фундаментом развития.

Прогрессивное движение общества открывает новые задания, сталкивается с трансформацией и видоизменением основных общественных конфликтов. Проблемы, угрозы и препятствия в правовой сфере не исчезают, но выходят на новый уровень существования, раскрываясь современными гранями. История доказала не просто жизнеспособность концепции верховенства права, а ее высокую универсальность и адаптивность, что позволило выйти за пределы характеристики конституционного строя и претендовать на роль концептуальной основы развития всей правовой системы общества.

Для выяснения содержания верховенства права в гражданском судопроизводстве большое значение приобретает специфическое место гражданского процесса в системе права. Процессуальные отношения тесно связаны с материальными, хотя единства в установлении характера такой связи в науке нет. По этому поводу советский ученый О.В. Иванов писал: «Специфическая служебная роль гражданского процессуального права, его особое место в системе советского права приводят к определенной зависимости его от развития других отраслей права» [2, с. 47]. Р.В. Шагиева говорит о процессуальных нормах как о вторичных нормах, необходимых для организации осуществления других, первичных, норм [3, с. 1–18].

Процессуальным отношениям присущ в определенной степени производный, вторичный, служебный характер. Качество процедуры рассмотрения и разрешения спора представляет собой цель, которая, в свою очередь, направлена на осуществление основной цели – реализации (или защиты) субъективного материального права. Гражданское судопроизводство в правовой системе играет роль средства претворения в жизнь, реализации субъективных материальных прав. Оно является тем элементом правовой системы, который направлен на обеспечение реального действия права.

П.М. Рабинович приходит к выводу, что верховенство права – это, во-первых, не столько верховенство, так сказать, статических, «естественных» прав человека, сколько их реализация, согласованная с такими же правами других индивидов, человеческих сообществ,

объединений и всего общества; а во-вторых, реализация не только таких прав, но и «естественных» обязанностей [4, с. 20]. Ученые утверждают, что в странах общего права судебные органы выступают гарантом реализации принципа «господство права» [5, с. 8–9]. Отечественные авторы отмечают, что евросоюзный и отечественный опыт свидетельствует, что именно внедрение судами верховенства права является одним из наиболее эффективных средств [6, с. 111]. Направленность гражданского процесса на осуществление субъективных материальных прав обуславливает его ведущую роль в реализации права, переходе от абстрактного уровня норм на конкретный уровень социальных благ. Поскольку одним из основных положений верховенства права является акцент на правореализации, судопроизводство выполняет функцию внедрения верховенства права в других, материальных, отношениях.

Таким образом, содержание верховенства права в гражданском судопроизводстве раскрывается в контексте его функционального назначения, которое определяется направленностью на защиту или реализацию материальных субъективных прав. Судопроизводство реализует свою социальную и правовую ценность только во взаимодействии с другими общественно-правовыми сферами. Способность гражданского судопроизводства эффективно выполнять свое функциональное назначение непосредственно обуславливается пригодностью к использованию пользователями судебной системы и способностью оказывать влияние на спорную ситуацию в правовой и фактической плоскости.

Органичность обращения к судебному порядку разрешения конфликта определяет потенциальную возможность в порядке справедливой процедуры и на правовых началах решить имеющийся спор. Речь идет не об увеличении количества дел, переданных в судебное решение, и уровня конфликтности в обществе, а только о доступности этого способа урегулирования частных споров. Доступность суда имеет значение как предпосылка реализации любых других процессуальных прав и интересов. Ученые подчеркивают, что обеспечение доступа к

правосудию является отражением влияния концепции прав человека, однако в современных условиях превратилось в довольно самостоятельное направление развития всей системы правосудия как ярко выраженная тенденция развития процессуального права, влияет непосредственным образом на модель правосудия в целом и ее отдельных деталях [7, с. 21].

Заметим, что в практике Европейского суда доступ к суду рассматривается как важное содержательное положение верховенства права. Названное положение хотя и проявляет зависимость от судостройства, экономических моментов и т. д., главным образом реализуется в процессуальной сфере.

Следующим моментом, определяющим реализацию функционального назначения гражданского судопроизводства, является исполнение судебных решений. Ведь лучшее судопроизводство будет не нужным, если предписания судебных решений не будут воплощаться в жизнь.

В практике Европейского суда последовательно реализована позиция относительно значения для верховенства права неизменности и реального исполнения окончательных судебных решений. Беспрекословно поддерживая важность названных положений для обеспечения верховенства права как в гражданском судопроизводстве, так и в других правоотношениях, обратим внимание на принципиальное решение о квалификации указанных моментов в качестве составляющих критерия правовой определенности. Окончательное судебное решение рассматривается как составляющая часть такого понятия, как право. Принцип правовой определенности, связав норму, судебное решение и его исполнение, закрепляет обоснование социологического измерения права. Реальное исполнение судебного решения является необходимым условием оказания влияния судом на общественные отношения, внедрения правовых норм в жизнь, не только декларирования, но и реализации права.

Европейский суд рассматривает исполнение судебного решения как неотъемлемую составляющую судебного разбирательства. Вряд ли с позиции отечественной правовой теории с этим можно согласиться. Мы склонны видеть в таком отношении суда скорее

социальный, чем правовой контекст. Представляется, что имеет место пример очень широкого толкования судебного правотворчества, учитывая требование верховенства права.

С позиций конвенциональной защиты не столь важно, к какой сфере или отрасли относится то или иное положение, выработанное судом. Уместно заметить, что суд достаточно свободно относится к национальным традициям в классификации отраслей права и теоретическому их обоснованию. Поэтому тезис Европейского суда о том, что «исполнение решения, вынесенного любым судом, должно, таким образом, рассматриваться как неотъемлемая часть «суда» в смысле ст. 6 Конвенции» [8], не должен восприниматься как критерий развития отраслевой структуры отечественной правовой системы. Ключевым моментом, на наш взгляд, является возложение на государство обязанности обеспечить выполнение судебного решения, которая обосновывается в качестве корреспондирующей неотъемлемому праву человека на обращение в суд.

Исполнение решений, принятых в порядке гражданского судопроизводства, опосредуется системой своеобразных отношений и охватывается категорией исполнительного производства. Связь исполнительного производства с гражданским судопроизводством относится к числу весьма спорных вопросов и не дает однозначных оснований для рассмотрения исполнительного производства исключительно в качестве составляющей части гражданского процесса. Вместе с тем, исполнение судебных решений в значительной мере зависит от моментов, которые реализуются именно в ходе рассмотрения и разрешения дела. Реальное исполнение наряду с факторами, внешними по отношению к гражданскому процессу (организация органов принудительного исполнения, правила исполнительного производства, легализация имущества физических и юридических лиц и т. п.), основывается на факторах чисто процессуальных. К таким относится судебный контроль за исполнительным производством, обеспечение иска и т. д. Поэтому реализация принципа верховенства права в гражданском судопроизводстве предусматривает в качестве одного из необходимых содержательных положений всестороннюю направ-

ленность и обеспеченность реального исполнения судебных решений.

Реальное выполнение принятых судом решений никогда не будет составлять 100 %, ведь устранить или обойти все причины невыполнения объективного и субъективного характера невозможно. Мировая практика убеждает, что невыполнение определенной части судебных решений настолько же имманентная часть общественной правовой жизни, как и судебные ошибки, правовой нигилизм, правонарушение и тому подобное. Как идеальное состояние и конечная цель полное исполнение должно одобряться и составлять ориентир, однако как характеристика реальности оно является слишком оптимистичным. В имеющихся условиях, которые обусловлены не только погрешностями государственно-правовой регуляции и управления, но и человеческой природой, существует необходимость установления более дифференцированных оснований для оценки состояния результативности исполнения судебных решений.

Как доступность судопроизводства, так и реальное исполнение судебных решений традиционно рассматриваются в качестве содержательных положений верховенства права, о чем свидетельствует сложившаяся практика Европейского суда. Однако мы считаем целесообразным объединение названных факторов в качестве положений, раскрывающих функциональный аспект верховенства права в гражданском судопроизводстве. То есть, доступность суда и исполнение судебных решений – те положения верховенства права, которые направлены на выполнение гражданским судопроизводством своего функционального назначения в правовой системе демократического общества.

Выводы. Подводя итог, мы приходим к выводу, что для выяснения содержания верховенства права в гражданском судопроизводстве имеет значение двойственность существования гражданского процесса в правовой системе: как самостоятельного предмета регулирования и как формы реализации материального права. Соответственно, гражданский процесс воспринимает требования верховенства права как непосредственный объект воздействия и опосредованно как спо-

соб оказания влияния на материальные отношения. Обеспечение надлежащего уровня взаимодействия между материальными и процессуальными отношениями требует реального функционирования судопроизводства в качестве регулятора общественных отношений. Поэтому содержанию верховенства права в гражданском судопроизводстве присущ функциональный аспект реализации, который воплощается через доступность суда и реальное исполнение принятых решений.

Список использованной литературы:

1. Дворкин Р. Верховенство права / Р. Дворкович // Філософія права і загальна теорія права. – 2013. – № 1. – С. 15–23.
2. Иванов О.В. О связи материального и гражданского процессуального права / О.В. Иванов // Правоведение. – 1973. – № 1. – С. 47–53.
3. Шагиева Р.В. Процессуальное право в системе российского права / Р.В. Шагиева // Административное право и практика администрирования. – 2014. – № 2. – С. 1–18.
4. Рабінович П. Верховенство права як соціально-природний феномен (контури ідеалу) / П. Рабінович // Право України, 2010. – № 3. – С. 19–23.
5. Дианов В.Н. Концепция «господства права» в современной англо-американской юридической мысли : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / В.Н. Дианов ; Московский государственный индустриальный университет. – М., 2008. – 27 с.
6. Кампо В. Судова доктрина верховенства права: український досвід в європейському контексті / В. Кампо // Юридичний журнал. – 2008. – № 12 (78). – С. 111–124.
7. Ярков В.В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы / В.В. Ярков // Вестник гражданского процесса. – 2011. – № 1. – С. 17–54.
8. Хорнсби против Греции (Hornsby v. Greece) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 марта 1997 года № 18357/91 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.echr.ru/documents/doc/2461496/2461496.htm>.

KEY FEATURES OF THE CONCEPTS “LEGAL PROTECTION” AND “LEGAL SECURITY”

Lyudmyla DESHKO,

Ph.D, Associate Professor of the Constitutional and International Law Department,
Chief executive of the International
and European Law Center Donetsk National University

Albina BERKO,

court clerk of the District administrative court of Kyiv

Summary

The article specifies the characteristics and definition of “legal defence”, “legal protection”, their correlation with the terms “ensuring of human rights”, “protection of human rights”, “human rights protection mechanism”, “human rights defence”. This research was needed to determine: criterion/criteria for distinction between “legal protection” and “legal security”; determine the type of activity, in the process of which the state-law enforcement is used and the conditions under which such use occurs; determine the range of competent authorities authorized to apply coercion in the process of jurisdictional activities, including activities for the prevention or termination of human rights or fundamental freedoms violation.

Key words: legal protection, legal defence, ensuring of human rights, protection of human rights, rights protection mechanism, human rights defence.

Аннотация

В статье дополнительно аргументирован критерий разграничения понятий «правовая защита» и «правовая охрана», определен вид деятельности, в процессе которой применяется государственно-правовое принуждение, и условия, при наличии которых осуществляется такое применение, круг компетентных органов, уполномоченных применять принуждение в процессе деятельности по предупреждению, прекращению нарушения права/прав человека или основной свободы/свобод. Уточнены основные признаки понятий «правовая охрана», «правовая защита», соотношение терминов «правовая охрана», «правовая защита» с терминами «обеспечение прав человека», «защищенность прав человека», «механизм защиты прав человека», «охрана прав человека».

Ключевые слова: правовая охрана, правовая защита, обеспечение прав человека, защищенность прав человека, механизм защиты прав человека.

Introduction. The changes that have occurred in society and in laws of Ukraine indicate that the use of the term, the concept of “protection” became even more diverse and requires clarification of its legal content. In addition, as a synonym of the word they began to be used such notions as “ensuring the human rights”, “protection of human rights”, “human rights protection mechanism”, “securing the human rights” [1, p. 332–333; 2, p. 223–224].

The above mentioned, of course, has influenced on the concept and structural elements of subjective legal rights of individuals to legal protection. Therefore, primarily the concepts of “protection”, “legal protection” and their relation to ter-concepts of “ensuring the human rights”, “protection of human rights”, “human rights protection mechanism”, “securing the human rights” need to be clarified. This amendment is needed to determine:

– criterion/criteria for distinction between “legal protection» and «legal security”;

– determine the type of activity, in the process of which the state-law enforcement is used and the conditions under which such use occurs;

– determine the range of competent authorities authorized to apply coercion in the process of jurisdictional activities, including activities for the prevention or termination of human rights or fundamental freedoms violation.

The purpose of this article is to determine the criteria for distinction between “legal protection” and “legal security” and their relation to the concepts of “ensuring the human rights”, “protection of human rights”, “human rights protection mechanism”, “securing the human rights”.

There is no consensus in determining the balance of protection and defense